

Илья Члаки

СОКОВЫЖИМАЛКА

Действующие лица:

Зоя Федоровна

Петр Васильевич

Галя, их дочь

Александр, муж Гали

Ирина Антоновна, мать Александра

Виктор Сергеевич, отец Александра

Кухня. Зоя Федоровна готовит. Петр Васильевич читает газету. Входит Александр.

АЛЕКСАНДР. Здравствуйте, мама.

Зоя Федоровна молчит.

АЛЕКСАНДР. Здравствуйте, мама.

Зоя Федоровна молчит.

АЛЕКСАНДР. Вы на что-то обиделись?

Зоя Федоровна молчит.

АЛЕКСАНДР. Не хотите разговаривать - не надо! *(Выходит)*.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Петя, ты слышал, что говорил этот наглец?

Петр Васильевич читает газету.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Петя!

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Да.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. И как тебе это понравилось?

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Что?

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Что - «что»? Ты слышал, что он говорил?!

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Да, слышал. Очень понравилось.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Что?!

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Что?

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Что тебе понравилось?!

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Мне? Ничего мне не понравилось. А с чего ты взяла, что мне что-то понравилось?

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Я взяла?! Ты сам только что сказал...

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Я сказал, что мне не понравилось, ты не расслышала.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Я очень хорошо расслышала! Я тебя прекрасно понимаю, у тебя одна забота – газета, а до остального дела нет! Тебе плевать, что здесь, у тебя под носом только что меня обидели, оскорбили! Тебе важна газета! Газета для тебя важнее, чем мое здоровье, чем я!

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Успокойся, Зой. Выпей валерьянки. Ты поднимаешь шум по пустякам.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Валерьянки! Меня тошнит от твоей валерьянки, каждый день – пузырек! *(Наливает валерьянку, пьет)*. Какая дрянь! Как я ее столько выпила?

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Надо тебе поспокойнее.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Ты только и можешь свое «поспокойнее». Как не устанешь повторять? Тридцать лет ведь – не шутка.

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Ты же не устаешь столько лет пить валерьянку.

Зоя Федоровна отворачивается к плите, Петр Васильевич читает газету.

Входит Галя.

ГАЛЯ. Что у вас опять происходит?

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Да вот, папа...

ГАЛЯ. Что ты опять сказала Саше?

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Я молчала.

ГАЛЯ. Неужели нельзя договориться? Зачем ты его обидела? Человек хотел с тобой поговорить, а ты как в рот воды набрала!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. С утра он тоже хотел со мной поговорить.

ГАЛЯ. Он хотел извиниться за утро.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Этого я не слышала.

ГАЛЯ. Естественно, ты даже не повернулась в его сторону, а не то чтобы слово сказать.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Я варю вам суп!

ГАЛЯ. Нам, нам всем.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Но вам - в первую очередь! Я могу обойтись.

ГАЛЯ. Мы тоже!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Может, вам вообще не готовить?

ГАЛЯ. Как хочешь!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Как ты разговариваешь с матерью?!

ГАЛЯ. Лучше так, чем вовсе не говорить, как это делаешь ты!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Галя, подумай, что ты говоришь! Как тебе не стыдно?!

ГАЛЯ. Мне стыдно, очень стыдно. За тебя, мама! *(Выходит)*.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Боже мой! Петя, ты слышал?

Петр Васильевич читает.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Петя!

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Что?

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Конечно, ты не слышал. Здесь только что была твоя дочь! Она заступалась за своего! Она готова за этого человека, который еще сегодня утром нахамил мне так, что я до сих пор отойти не могу... за него она готова перегрызть собственной матери горло!

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Не говори глупостей.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Глупостей! Дай мне валерьянку. *(Берет валерьянку, наливает)*. Я работаю уже только на аптеку, а ему – глупости!

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Успокойся.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Опять твое «успокойся»! Читай газету, читай, я тебя больше не потревожу! Тебе дела нет до того, что происходит в нашем доме!

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Ты не права, Зоя.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Ты за своей газетой не видишь ничего!

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Я только что взял газету.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. И я уже для тебя – пустое место!

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Не мог же я предположить, что именно в это время ты начнешь ругаться.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. По-твоему, я ругаюсь. Значит, я не права?

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну, почему? Конечно, права.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Газета! Однажды ты оторвешься от нее, а меня уже похоронят!

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Ох, господи!

Петр Васильевич вновь продолжает чтение, Зоя Федоровна отворачивается к плите.

В кухню вбегают Александр.

АЛЕКСАНДР. Я знаю, Зоя Федоровна, вы меня не любите, вы меня не любите, вам не нравится, что я – муж вашей дочери, но я все равно скажу! Мы вынуждены жить у вас, но это будет продолжаться недолго, не волнуйтесь, скоро мы снимем квартиру или комнату и уедем, здесь мы не останемся! Но пока мы здесь, я прошу вас, не обижайте мою жену! О себе не говорю – я привык, да и что мне говорить, если собственная дочь каждый день в слезах от вас! *(Стремительно выходит)*.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА *(вдогонку)*. Через день, молодой человек, через день! День - от нас, день – от вас! Нахал!

Александр вновь появляется в дверях.

АЛЕКСАНДР. Если мы вам так мешаем, мы можем уехать. Прямо сегодня!
(Выходит).

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Петя, я больше не могу!

Петр Васильевич читает газету.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Петя!

Петр Васильевич встает и уходит.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Конечно, во всем виновата одна я! Ты всегда ни при чем! Достается только мне! Я тоже могу уехать! Из этого дома! Он останется вам! Я уеду отсюда в другой город! Уеду навсегда, Саша! Тогда, может быть, вы поймете. Но скорее, чем я уеду, вы уложите меня в гроб, дорогие мои дети!

Влетает Галя.

ГАЛЯ. Мама, как ты можешь так говорить?! Кому это нужно?! Неужели ты думаешь, мы хотим твоей смерти! Это смешно!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Это не смешно, Галочка, не смешно! Вы избавитесь от меня очень скоро, мне недолго осталось.

ГАЛЯ. Мама!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Что - «мама», что - «мама»?! Я никогда не думала, что у меня будет такая дочь! Я думала, ты меня любишь, а ты!..

ГАЛЯ. Мама, я тебя очень люблю.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Так не любят, доченька, не любят. Ты позволяешь Саше, к которому я очень хорошо отношусь, делать, что угодно. Но я не двужильная! Я так больше не могу!

ГАЛЯ. Но кто виноват, с чего все началось?

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Началось с того, что у меня было хорошее настроение, но пришел твой муж, наш Саша...

ГАЛЯ. И ты не захотела сказать ему даже «здравствуй».

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Я думала о вас, я хотела сделать вам подарок, думала, как это сделать, чтобы вам было приятнее.

ГАЛЯ. Ты его сделала.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Но, видно, не суждено. Вот он, заберите его, он ваш.

Зоя Федоровна достает из стола соковыжималку.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Эта соковыжималка будет напоминать вам обо мне.
(Собирается уйти).

ГАЛЯ. Мама, подожди, мамочка! Мы были не правы, но согласись, что и ты тоже хороша.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Это уже не имеет значения.

ГАЛЯ. Успокойся, мам.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Я спокойна, Галчонок. Я абсолютно спокойна, до того спокойна, что хоть в гроб ложись.

ГАЛЯ. Мама!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Может быть, я действительно была плохой матерью, прости. Я хочу умереть. (Выходит).

ГАЛЯ. Мама! Ох, господи! Саша, Саша!

Входит Александр.

АЛЕКСАНДР. Что она тебе сказала?!

ГАЛЯ. Ты доведешь мать до инфаркта!

АЛЕКСАНДР. Что она сказала?!

ГАЛЯ. Она пошла умирать! Из-за тебя!

АЛЕКСАНДР. Я могу ей чем-нибудь помочь?

ГАЛЯ. Как ты смеешь?!

АЛЕКСАНДР. Ты не поняла...

ГАЛЯ. Я тебя прекрасно поняла. Ты не любишь маму!

АЛЕКСАНДР. Я очень люблю свою тещу, Зою Федоровну, маму! Но она сама виновата – каждый день грозит, что уйдет. Мне это уже надоело!

ГАЛЯ. Вот чем ты платишь за любовь, вот чего я должна ждать от тебя!

АЛЕКСАНДР. За любовь?! Это что, она меня любит?!

Входит Зоя Федоровна с листком бумаги, садится за стол, пишет.

Пауза.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Все. Это вам.

ГАЛЯ. Что это? *(Читает)*.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Это завещание.

ГАЛЯ *(Отдает лист Александру)*. Ты только посмотри!

Александр читает.

ГАЛЯ. Что с тобой, мамочка?

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Не сегодня-завтра я умру.

ГАЛЯ. Мама!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Когда-нибудь это должно случиться.

ГАЛЯ. Мама! Саша, почему ты молчишь?!

АЛЕКСАНДР. Зоя Федоровна!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Это неизбежно. Все что у меня есть, я оставляю вам.

Только, пожалуйста, не забывайте Петеньку...

АЛЕКСАНДР. Как можно...

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Я понимаю, там не так уж много, но...

ГАЛЯ. Мама!

АЛЕКСАНДР. Зоя Федоровна!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Дети, у меня к вам одна просьба: я хочу, чтобы меня сожгли в крематории, не хочу быть съеденной червями...

ГАЛЯ. Мама!

АЛЕКСАНДР. Мама!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Обещайте, что сделаете это.

АЛЕКСАНДР. Обещаем.

ГАЛЯ. Мама, прекрати!

АЛЕКСАНДР. Мама, прекратите!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Прощайте, дети. Я вас очень любила, у меня нет ничего дороже вас... Дайте, я вас поцелую... *(Целует и уходит)*.

ГАЛЯ. До чего ты довел мать!

АЛЕКСАНДР. Да, с завещанием – это впервые.

ГАЛЯ. Ты во всем виноват, ты! Ты убил ее!

АЛЕКСАНДР. Все будет хорошо, перестань!

ГАЛЯ. Хорошо?! О чем ты говоришь?! Я не понимаю тебя!

АЛЕКСАНДР. Я говорю – спокойнее, все нормально.

ГАЛЯ. Ты считаешь нормальным, что молодая женщина умирает по твоей вине?!

АЛЕКСАНДР. Кто умирает, она умирает?!

ГАЛЯ. Я не хочу из-за тебя лишиться матери!

АЛЕКСАНДР. Ты скорее лишишься меня!

ГАЛЯ. Это будет небольшая утрата!

АЛЕКСАНДР. Что?!

ГАЛЯ. Что слышал!

АЛЕКСАНДР. Все ясно! Теперь мне все ясно! Ни секунды не останусь в этом доме! Ни секунды!

ГАЛЯ. Ты и последний удар приготовил! Молодец! Ушел – и сразу труп! И ты – ни при чем! Иди! Иди-иди! Но я-то знаю, кто это сделал, знаю!

АЛЕКСАНДР. Ты что, спятила?!

ГАЛЯ. Только теперь я поняла, за кого вышла! Вместо того чтобы отблагодарить человека за подарок (*показывает на соковыжималку*), он этого человека – бац!

АЛЕКСАНДР. Соковыжималка?!

ГАЛЯ. Да, представь себе!

АЛЕКСАНДР. Представляю! Вы решили выжать из меня последние соки! Могу вас огорчить – это займет немного времени!

ГАЛЯ. Вместо спасибо!

АЛЕКСАНДР. Спасибо!

ГАЛЯ. Можно подумать, что твоя мать для нас что-то делает! Раз в год принесет килограмм мяса и хочет, чтобы ее за это на руках носили!

АЛЕКСАНДР. Она приходила в последний раз!

ГАЛЯ. С голоду не умрем!

АЛЕКСАНДР (*подходит к жене, хватая за платье*). А это у тебя откуда?! Твоя мамаша купила, да?!

ГАЛЯ. Не смей трогать мою маму!

АЛЕКСАНДР. Ишь ты, патриотка! Все вы на одно лицо! Семейка!

ГАЛЯ. Лучше на одно, чем... Хамелеоны!

АЛЕКСАНДР. Мы?! Хорошо-о! У вас тоже разные лица! Главное – твой папаша!

ГАЛЯ. Не трогай папу!

АЛЕКСАНДР. Вечный читатель!

ГАЛЯ. Папа!

АЛЕКСАНДР. Не дай бог, сломаться всем типографиям одновременно – летальный исход!

ГАЛЯ. Папа!

АЛЕКСАНДР. Ты ему – «здравствуйте», а он тебе – «варварская агрессия»...

ГАЛЯ. Папа! *(Выбегает из кухни)*.

АЛЕКСАНДР. Зачем надо выписывать все московские газеты?! Зачем?! «Папа»!

Входит Петр Васильевич, конечно, с газетой в руках, читает.

Александр говорит вслух, зная, что его не слышат.

АЛЕКСАНДР. Что пишут?

Петр Васильевич читает.

АЛЕКСАНДР. Удивительный человек! Ничто не берет. Петр Васильевич, Зоя Федоровна умерла.

Петр Васильевич не слышит.

АЛЕКСАНДР. И Галя тоже.

Петр Васильевич не слышит.

АЛЕКСАНДР *(громко)*. Петр Васильевич!

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Да.

АЛЕКСАНДР. Я говорю, Зоя Федоровна...

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ *(Постепенно погружаясь в чтение)*. Не обращай внимания. Что ты ее не знаешь – куда она не уйдет. *(Продолжает читать)*.

АЛЕКСАНДР *(громко)*. Петр Васильевич!

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Да.

АЛЕКСАНДР. Как вам понравилась статья об экстрасенсах?

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Об экстрасенсах?

АЛЕКСАНДР. Вы же сегодня ее читали, забыли?

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Я столько читаю, Санек, что не грешно и забыть. А вот ты мне скажи, читал ли ты о...

АЛЕКСАНДР. Я не люблю читать газет.

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Тут ты не прав. Читать надо любить. Главное начать, а потом не оторвешься. И для здоровья – вот так. Знаешь, как я себя чувствую?

АЛЕКСАНДР. Петр Васильевич, а вы по ночам спите?

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Один раз сделал глупость.

АЛЕКСАНДР. То есть?

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Лучше не спрашивай.

АЛЕКСАНДР. Что же из этого вышло?

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Выш-ла. Галя. С тех пор читаю. *(Смеется своей шутке, достает из кармана газету, дает Александру)*. Попробуй все-таки. *(Продолжая чтение, уходит)*.

АЛЕКСАНДР. Да, наша страна – самая читающая страна в мире.

Входит Галя.

ГАЛЯ. Ты еще здесь?

АЛЕКСАНДР. Да, я говорил с твоим отцом.

ГАЛЯ. Ты не собираешься просить прощения?

АЛЕКСАНДР. У кого?

ГАЛЯ. Значит, ты не пойдешь?

АЛЕКСАНДР. Я не понимаю, почему я должен просить прощения?

ГАЛЯ. Хотя бы потому, что мы живем вместе!

АЛЕКСАНДР. По этой же причине это может сделать и она.

ГАЛЯ. Хотя бы потому, что она моя мать!

АЛЕКСАНДР. Это не причина.

ГАЛЯ. Хотя бы потому, что она сидит с нашей дочерью, твои родители этого не делают!

АЛЕКСАНДР. Это только во вред нашей дочери.

ГАЛЯ. Значит, пожилая женщина должна просить у тебя прощения?!

АЛЕКСАНДР. Как умирать – так она молодая, а как прощения просить...

ГАЛЯ. Ты хочешь ее смерти!

АЛЕКСАНДР. Нет, пусть живет.

ГАЛЯ. Не дожدهшься! Я сама пойду! Может, тебе будет стыдно! Хотя, таким как ты...

АЛЕКСАНДР. Ну и иди!

ГАЛЯ. И пойду!

АЛЕКСАНДР. И иди! Может, воскреснет!

ГАЛЯ. Идиот!

АЛЕКСАНДР. Что же ты стоишь?

ГАЛЯ. Не твое дело!

АЛЕКСАНДР. Тогда я пойду... спать. *(Выходит)*.

Входит Зоя Федоровна.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Дети, не надо, не ругайтесь, прошу вас, я хочу вас запомнить дружными...

ГАЛЯ. О какой дружбе ты говоришь, мама, кончилась дружба!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Не надо кричать, Галочка, будь терпимой. В супружестве надо уметь уступать.

ГАЛЯ. Я не хочу больше уступать.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Сделай это ради меня.

ГАЛЯ. При чем здесь ты?

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Это мое последнее желание.

ГАЛЯ. При чем здесь ты, мама?

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Ты своими руками заколачиваешь крышку моего гроба.

ГАЛЯ. Ничего я не заколачиваю. Я развожусь.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Что?!

ГАЛЯ. Тебе плохо, мама?! Что с тобой?!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Мерзкая девчонка, как ты посмела! Что ты, интересно, о себе думаешь?!

ГАЛЯ. Успокойся, мама, тебе нельзя волноваться, выпей валерьянки.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Ты что, меня за идиотку считаешь?!

ГАЛЯ. Ну что ты...

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Ты о ребенке подумала?

ГАЛЯ. Да.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. И что же ты придумала?

ГАЛЯ. Он будет жить с нами.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Что?! Пусть он забирает его, ее себе! С меня хватит! Вот где мне ваши пеленки! Я - не нянька! Мама стирает, мама одевает, мама кормит, мама гуляет! Хватит!

ГАЛЯ. Но...

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Я молодая женщина, у меня есть свои интересы! Я хочу в театр ходить, в кино!

ГАЛЯ. Я тебе буду помогать!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Ты?! Пусть его, ее забирают они! Пусть и они хлебнут!

ГАЛЯ. Я не отдам им ребенка!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Я соглашусь только на этих условиях. Неделю у них, неделю у нас!

ГАЛЯ. Я не отдам ребенка!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Раньше надо было думать! Кто тебя гнал замуж, кто?! Я тебе говорила – подумай, теперь выкручивайся, как хочешь! Я всегда относилась с предосторожностью к твоему мужу!

ГАЛЯ. Ты мне об этом не говорила! И потом, мы любим друг друга!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Любишь кататься, люби и саночки!..

ГАЛЯ. Мама!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Вы, значит, любите, а я – вкалывай!

ГАЛЯ. Я сама буду с ним, с ней!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Ты хоть знаешь, кто у тебя: он или она?!

ГАЛЯ. Ты только что умирала!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Умру, когда время придет, и не надо меня подгонять!

ГАЛЯ. Я не к тому – ты волнуешься...

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Поздно вспомнила, доченька!

Звонок в дверь.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Иди, открывай. К вам опять! Умереть спокойно не дадут!

Галя выходит.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Воспитывали, воспитывали, воспитали себе на шею. (Зоя Федоровна отворачивается к плите).

Действие переносится в комнату.

Петр Васильевич сидит на диване, читает газету. Рядом стоит Александр.

АЛЕКСАНДР. Петр Васильевич!

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. А?

АЛЕКСАНДР. Я хочу вам...

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Тебе не показалось, что кто-то звонил?

АЛЕКСАНДР. Галя откроет. Петр Васильевич, я хотел...

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Они не услышат, они там ругаются...

АЛЕКСАНДР. Услышит.

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Все же надо проверить, неудобно заставляя людей ждать.

АЛЕКСАНДР. Уже открыли.

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Вряд ли. Пойду, проверю.

За дверью слышатся голоса.

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. А ведь ты был прав, слышали. Ты что-то хотел мне сказать?

АЛЕКСАНДР. Я хотел сказать, что...

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Интересно, кто это пришел?

АЛЕКСАНДР. Петр Васильевич!

Открывается дверь.

Входят Виктор Сергеевич и Ирина Антоновна. Слышен голос Гали. Она говорит входящим: «Я сейчас».

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ (*искренне*). Виктор Сергеевич, Ирина Антоновна!

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ. Здравствуйте, Петр Васильевич, здравствуй, Саша.

ИРИНА АНТОНОВНА. Здравствуй, сынок.

АЛЕКСАНДР. Кто к нам пришел!

ИРИНА АНТОНОВНА. Мы были в вашем районе и решили зайти... Ничего?

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Хорошо, очень хорошо, садитесь.

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ (*Саше*). Ты чем-то недоволен?

АЛЕКСАНДР. Доволен.

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ. Пойдем, Ирина.

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Да что вы? Куда это? Зоя! Зоя! Иди быстрее! Никуда я вас не отпущу!

Входит Зоя Федоровна, у нее больной вид, говорит еле-еле.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Что случилось, Петя? Здравствуйте, Виктор Сергеевич, здравствуйте, Ирина Антоновна.

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ и ИРИНА АНТОНОВНА. Здравствуйте, Зоя Федоровна.

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Вот, решили уйти. Только пришли и сразу уходить.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Ну, что вы, мы вас не отпустим.

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ. Мы на секунду.

ИРИНА АНТОНОВНА. Мы тут мясо купили, надо его в холодильник...

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. У нас полно еды, зачем?

ИРИНА АНТОНОВНА. Вы плохо себя чувствуете?

АЛЕКСАНДР. Сколько здесь мяса?

ИРИНА АНТОНОВНА. Три килограмма.

АЛЕКСАНДР. Ага!

ИРИНА АНТОНОВНА. Это вырезка, Саша.

АЛЕКСАНДР. Значит, все-таки три!

ИРИНА АНТОНОВНА. Кончится, мы еще принесем...

АЛЕКСАНДР. Хватит, этого достаточно. *(Быстро выходит)*.

ИРИНА АНТОНОВНА. Вы нас простите, мы, наверное, не вовремя.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Это вы меня извините, что я в таком виде.

Петр Васильевич открывает газету.

ИРИНА АНТОНОВНА. Что с вами?

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ. Ира, Зое Федоровне нездоровится, пойдём.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Сидите-сидите, ничего, я сейчас приду в себя.

ИРИНА АНТОНОВНА. Вам надо лечь, а мы пойдём, извините.

Входит Галя, за ней Александр.

ГАЛЯ. Ирина Антоновна, сколько вы приносили в прошлый раз мяса?

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Ты что, Галя?

ИРИНА АНТОНОВНА. Не помню, Галочка. Наверное, килограмм.

ГАЛЯ. Я же говорила.

ИРИНА АНТОНОВНА. Так получилось, что у меня не было больше денег...

ГАЛЯ. Мы просто поспорили с Сашей: он говорит, что вы приносили столько же, сколько и сегодня, а я хорошо запомнила, что вы принесли ровно килограмм.

АЛЕКСАНДР. По-моему, мы не о том спорили, но уж если говорить о мясе, то мама приносила столько же, сколько и сейчас!

ИРИНА АНТОНОВНА. Может быть, я не помню...

ГАЛЯ. А я отлично помню – меньше.

АЛЕКСАНДР. Ничего подобного! Три килограмма!

ИРИНА АНТОНОВНА. Стоит ли из-за этого...

ГАЛЯ. Один!

ИРИНА АНТОНОВНА. Может, я забыла?

АЛЕКСАНДР. Конечно, забыла! Ты приносила три килограмма, три!

ИРИНА АНТОНОВНА. Да, может быть.

АЛЕКСАНДР. Не может быть, а точно!

ИРИНА АНТОНОВНА. Пожалуй, ты прав.

ГАЛЯ. Мама! Ты делала из этого мяса котлеты! Сколько вышло котлет?!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Не знаю, я плохо себя чувствую.

ГАЛЯ. Двадцать!

ИРИНА АНТОНОВНА. Вы очень много кладете хлеба.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Чтобы котлеты вышли сочными, нежными и не жесткими, надо, Ирина Антоновна, класть хлеба ровно столько, сколько кладу я.

ИРИНА АНТОНОВНА. Я же не потому говорю, что вы много кладете хлеба...

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. А насчет мяса, мне тоже кажется, что вы принесли килограмм.

ИРИНА АНТОНОВНА. Я не помню.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Точно, только теперь начинаю вспоминать – килограмм. Оно еще было в целлофановом пакете.

ИРИНА АНТОНОВНА. Я всегда приношу в целлофановых пакетах...

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Я достала его и как раз подумала, что кусок небольшой...

ИРИНА АНТОНОВНА. У меня не было с собой денег, случайно...

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Килограмм.

ГАЛЯ. Конечно, я же помню.

ИРИНА АНТОНОВНА. Да, наверное, килограмм, вы правы.

АЛЕКСАНДР. Вы ошибаетесь, кусок был такой же большой. (*Ирине Антоновне*). Вспомни, мама!

ИРИНА АНТОНОВНА (*Виктору Сергеевичу*). Я не помню!

ГАЛЯ. Виктор Сергеевич, вспомните.

АЛЕКСАНДР. Пап, скажи.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Виктор Сергеевич.

Маленькая пауза.

Виктор Сергеевич вспоминает.

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ. Два. Два килограмма.

Небольшая пауза.

ГАЛЯ. Но не три же.

ИРИНА АНТОНОВНА. Правильно, два, как я забыла.

ГАЛЯ (*Александру*). Ты проиграл.

АЛЕКСАНДР. Там было три килограмма.

ГАЛЯ. Ты что, глухой?

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Из двух килограммов не может выйти двадцать котлет.

Сорок – может, но не двадцать. А я точно помню – мяса больше не оставалось.

В это время встает Петр Васильевич и направляется к двери.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Петя, ты куда?

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Проверять!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Что?

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Сколько выйдет из трех килограммов! Если двадцать (*Гале*), то проиграла ты, если шестьдесят – ты!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Зачем? Это же просто спор.

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Мне интересно. Мне очень интересно, сколько может выйти котлет! Я всю жизнь мечтал об этом узнать!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Петя!..

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Не останавливайте меня! Я буду крутить!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Петенька, успокойся, я налью тебе валерьянки.

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Мне?! Это вам надо валерьянки! А мне надо крутить мясорубку!

ГАЛЯ. Папа, возьми газету.

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Что?! Вы мне газетой рот не затыкайте! Я все вам скажу в лицо! (*Выходит*).

ЗОЯ ФЕДОРОВНА (*смущенно*). Вот упрямый какой... Вы уж нас извините... Нервы. Он сейчас отойдет. (*Выходит*).

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ. Саша, иди помоги Петру Васильевичу.

АЛЕКСАНДР. Он первый раз так разошелся.

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ. Тем более его надо успокоить.

АЛЕКСАНДР. Что он так из-за этих котлет?.. (*Выходит*).

Пауза.

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ (*Гале*). Не вовремя мы пришли, да? Тяжело жить с родителями.

ИРИНА АНТОНОВНА. Может быть, им у нас пожить?

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ. Где у нас?! На кухне?! Ты забыла, что наша квартира однокомнатная?!

ГАЛЯ. Нам пока и здесь места хватает.

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ. Меня просто возмущает, что человек говорит, не думая. Что в голову взбредет, то несет. А так, я буду только рад, я люблю, когда много народу.

ГАЛЯ. Не беспокойтесь.

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ. А знаешь... переселяйтесь-ка, действительно, к нам, берите Шурку и завтра с утра – к нам. Заживем что надо! Так и договорились – завтра же вы у нас.

ГАЛЯ. У вас очень тесно.

ИРИНА АНТОНОВНА. В тесноте, да не в обиде.

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ. Ждем.

ГАЛЯ. Нет. Мы не сможем.

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ. Почему?

ГАЛЯ. Ну... Сашенька... Ей нужен воздух... покой... А какой покой, когда пять человек на двадцати квадратных метрах?

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ. Это, Ира, она права.

ИРИНА АНТОНОВНА. Да...

Небольшая пауза.

ГАЛЯ. Что-то они там застряли.

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ. Мясо крутят.

ГАЛЯ. Пойду, посмотрю. Не поругались бы они с мамой.

ИРИНА АНТОНОВНА. Иди, Галочка, иди.

Галя выходит.

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ. Ну и ну!

ИРИНА АНТОНОВНА. Господи, бедные дети...

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ. Сумасшедший дом! Как здесь можно жить?!

ИРИНА АНТОНОВНА. Ты прав, им надо жить у нас. Мы можем пожить и на кухне, а...

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ. У нас?! Молись, что они живут здесь. А то они тебе устроят – сама согласишься на лестницу переселиться.

ИРИНА АНТОНОВНА. Но ты же сам только...

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ. А что я должен был говорить -нет, только не у нас? Да она и сама не хочет, понимает, что тесно.

ИРИНА АНТОНОВНА. Да...

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ. Жалко Сашку.

ИРИНА АНТОНОВНА. А может, мы ее возьмем? Хоть она пусть поживет с нами.

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ. Я о сыне говорю. Жаль его, испортят они парня. Уже испортили... Все эта Галя. Ты заметила, она нас ненавидит. Как она нас встретила! Я думал – съест. Вся в мать. Яблоко от яблони... Не повезло сыну, не повезло...

Входит Петр Васильевич. За ним - все остальные.

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Отстаньте от меня! Я хочу докрутить мясо! Дайте мне докрутить мясо!

За ним ходит Зоя Федоровна с чашкой и пузырьком в руках.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Петенька, выпей валерьянки, я прошу тебя.

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Отойди!..

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Ну, пожалуйста...

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Отойди, я сказал!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Очень тебя прошу...

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Зоя, ты меня плохо знаешь!

ГАЛЯ. Мама, ты же видишь...

АЛЕКСАНДР. Петр Васильевич, я сам докручу мясо...

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Мясо буду крутить только я!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Петя, что с тобой случилось, почему ты?..

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Добром прошу!

АЛЕКСАНДР. Петр Васильевич!..

ГАЛЯ. Саша, не трогай папу.

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Не трогайте меня!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Петя, что ты от нас хочешь?

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Я хочу крутить мясо!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Господи!

ГАЛЯ. Мама, папа хочет крутить мясо!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Пусть крутит, пусть! Пусть делает, что хочет!

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Ручку!!! Дайте ручку от мясорубки! Кто взял ручку?!

ГАЛЯ. Саша, отдай папе ручку!

АЛЕКСАНДР. Пожалуйста, Петр Васильевич.

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. И не смейте мне мешать! (*Выходит*).

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Я так больше не могу! Что с ним? Он сейчас прокрутит все мясо, что я с ним буду делать? Зачем нам столько фарша?

АЛЕКСАНДР. Он прекрасно хранится в морозилке, Зоя Федоровна.

ГАЛЯ. Мама, не стоит из-за этого...

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Конечно, готовить не вам!

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ. Вы уж очень близко к сердцу, Зоя Федоровна, так нельзя.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Я не из-за мяса, Виктор Сергеевич, мне Петю жалко...

Входит Петр Васильевич.

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Котлеты уже можно начать делать. Зоя, ты слышишь?!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Да, Петя...

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Иди, делай котлеты!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Ты хочешь прямо сейчас?

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Да!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. У нас гости...

ИРИНА АНТОНОВНА. Здравствуйте, Петр Васильевич...

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ (*Ирине Антоновне*). Вы хотите котлеты?!

ИРИНА АНТОНОВНА. Да...

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Она хочет! Галя, иди делай котлеты! Все идите! Здесь остаются только гости! И я! Вперед!

АЛЕКСАНДР. Петр Васильевич...

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Вперед, я сказал!

ГАЛЯ. Папа, это очень долго – делать столько котлет.

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. А спорить об этом столько времени – не долго?! На кухню!

АЛЕКСАНДР. Вы меня простите, Петр Васильевич, но я не умею делать котлет.

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Научат, они тебя всему научат!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Ирина Антоновна уже не хочет котлет.

ИРИНА АНТОНОВНА. Да...

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Ах, не хочет!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. И я не собираюсь их делать!

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Не собираешься! Сейчас я тебя соберу! А ну – на кухню!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Петя!

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. К плите!!!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Петя!

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Что – Петя?!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. У нас гости!

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Эти гости нам не чужие! Не чужие! Повторяю – не чужие!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Я тебя умоляю!..

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. А то умрешь?! Она очень любит умирать и уезжать в другие города! Ежедневно!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Петя, возьми газету!

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Начитаюсь еще, не волнуйся, вон, выпей валерьянки! А детей как она любит! Особенно зятя! Жить без него не может. Так и говорит – если бы не зять!..

ГАЛЯ. Папа, подумай, что ты...

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. И дочь ее обожает! Каждый день! Зайдет к ней и начинает обожать! Обожают, обожают... Сначала незаметно, но потом все больше и больше, и, в конце концов, лучше кому-нибудь из них выйти, а то!..

АЛЕКСАНДР (*Виктору Сергеевичу*). Ты хотел что-то сказать...

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Но любовь зятя к моей жене сравнить нельзя ни с чем!

АЛЕКСАНДР (*Виктору Сергеевичу*). Папа...

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Он ее любит, как лягушка муху! Спокойно, молодой человек, я не все сказал! Его так и тянет к ней! Жить без нее не может! Здравствуйте, дорогие наши, уважаемые родственники!

ИРИНА АНТОНОВНА. Здравствуйте...

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. Низкий поклон вам, уважаемые хамелеоны! Я так говорю, дочка? Вы всегда желанны в нашем доме, так что, чем чаще вы будете

припираться и торчать у нас с вашим тухлым мясом!.. Я что-то забыл, Зоя? Тем приятнее будет нам! Мы все вас любим! А Саша - в первую очередь! Когда, говорит, придут мои старперы? Не надо переводить это слово? Я, говорит, люблю их, и жить без них не могу, как, говорит, без хрена. Очень он любит хрен, знаете ли. Вот так. От любви никуда не деться! Особенно мне! Хорошо, что газеты читаю. Что это с вами? Молчите? А-а-а, да-да-да, понимаю. Что же я на вас напал? Бедные вы мои. Ни за что, ни про что на честных людей!.. Это же я виноват! Зачем слушал?! Простите, родные мои! Не судите строго! Не виноват, голоса у вас больно громкие! Отпустите грехи мои тяжкие! На коленях прошу! Не хотите? И я не хочу. Не хочу участвовать во всем этом, не хочу! Все! Можете не делать котлет! Да здравствует любовь! *(Берет газеты, садится, начинает читать вслух)*. «Колхозные будни. Сегодня нам хотелось поговорить о трех колхозах Подмосковья. Разговор будет длинным и откровенным. Итак, первый колхоз – «Красное Солнышко». Чего здесь только ни увидишь! Ни один клочок земли «Красного Солнышка» не пропал даром. Директор колхоза сказал нам следующее: «Это была одна из главных задач для нас – ничто не должно пропадать. Вот здесь, где сейчас растет эта крупная отборная пшеница, была огромная земляная возвышенность. Могли ли мы раньше обрабатывать эту гору? Нет. А теперь? Главное – относиться ко всему по-хозяйски, и тогда будет результат. И землю нашу надо любить и ценить. Она - кормилица наша, и от нас, только от нас зависит, будет она отвечать взаимностью или нет». Прекрасные слова! Ну что ж, едем, как говорится, дальше. Колхоз «Заря Востока». Официальная сводка».

Одновременно с чтением газеты, со слов «директор совхоза сказал нам следующее...» происходит диалог.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Господи!

ГАЛЯ. Папочка, что с тобой?

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Петенька, хватит читать. Ты слышишь меня? Петя! Зачем так нервничать? Петя! Хватит!

ГАЛЯ. Пап, ну хватит. Папулечка! Саша, принеси воды!

Только теперь Александр и Ирина Антоновна приходят в себя.

АЛЕКСАНДР. Да, да, конечно, я сейчас. *(Выбегает)*.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Ну, мы тебя все просим, остынь... Я не понимаю, что с ним случилось... Все эти проклятые котлеты...

Входит Александр с водой.

ГАЛЯ. Папочка, выпей воды.

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ (*читает*). «Колхоз «Заря Востока» не выполнил плана этого года по продаже семян государству»...

ГАЛЯ. А?

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ. ...»Колхоз «Заря Востока» не выполнил плана по продаже мяса государству»...

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Какой ужас!

Петр Васильевич что-то бубнит, но что именно, понять уже невозможно.

ГАЛЯ. Выпей.

За стеной тихо плачет ребенок.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Господи, боже мой!

ИРИНА АНТОНОВНА. Успокойтесь, Зоя Федоровна, не надо так убиваться, все еще уладится.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Раньше этого никогда не было! Первый раз за все время. Он был всегда таким тихим!

ИРИНА АНТОНОВНА. Сядьте, милая. Нельзя так убиваться.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Дурацкие котлеты!.. Может, вызвать неотложку?

ГАЛЯ. Он успокоится.

АЛЕКСАНДР. С чего ты решила?

ГАЛЯ. Устанет и успокоится.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Что ты говоришь, Галя, подумай, что ты говоришь, это же твой отец!

ГАЛЯ. Ну, давай вызовем неотложку.

ИРИНА АНТОНОВНА. Галочка, не надо волноваться...

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. За что мне это?!

ИРИНА АНТОНОВНА. Нехорошо получилось с этими котлетами...

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. За что?!

К этому моменту голос Петра Васильевича пропадает совсем, однако, он этого не замечает и рот его продолжает открываться и закрываться.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Не слышу. Ничего не слышу. Петя, я ничего не слышу! Я оглохла!!! Галя!

ГАЛЯ. Мама.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Я - глухая?!

ГАЛЯ. В таком случае – я тоже.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. И ты?!

ГАЛЯ. Приятно поговорить с глухим человеком.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Ты зря смеешься – это страшная болезнь!

ГАЛЯ. Мама!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Что - мама?! Что – мама?! Мама!.. *(Вдруг понимает, что слышит)*.

АЛЕКСАНДР. Он потерял голос.

ЗОЯ ФЕДОРОВНА *(Петру Васильевичу)*. Так ты нарочно?! Ты издеваешься?!

ГАЛЯ. Мама, папа потерял голос!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Спасибо тебе, Петенька!

ИРИНА АНТОНОВНА *(Виктору Сергеевичу)*. Зачем ты купил мясо?..

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Самое время рыть себе яму!

ИРИНА АНТОНОВНА *(Виктору Сергеевичу)*. Я ведь говорила – только фрукты!

АЛЕКСАНДР *(Гале)*. Довела отца!

ГАЛЯ. Я довела?!

АЛЕКСАНДР. А кто – я?!

ИРИНА АНТОНОВНА. Только фрукты!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Я уйду навсегда, хватит, намучилась, прощайте!

Постепенное затемнение.

ГАЛЯ. Ты!

АЛЕКСАНДР. Нет, ты!

ИРИНА АНТОНОВНА. Фрукты!

ЗОЯ ФЕДОРОВНА. Неужели и там *(делает жест)* - так же?!

К О Н Е Ц

МОСКВА, 1984

© Илья Члаки

Любое использование текста пьесы без разрешения автора или его представителя категорически запрещено.

Все права защищены.